

В подчеркивании преемственности Москвы Киеву можно видеть стремление узаконить господство Москвы и московского князя на Русской земле. Именно в этот период московские великие князья были озабочены составлением генеалогий, в которых возводили свой род к Владимиру Мономаху и Владимиру I. Они претендовали на все наследие киевских князей.¹ Эта тенденция нашла свое отражение и в „Сказании о Мамаевом побоище“.

Дмитрий Иванович перед походом на Куликово поле призывает всех русских князей бороться за православную веру. В этом обращении он называет своих сподвижников „гнездом“ Владимира киевского, образ которого, в соответствии со всей окраской памятника, рисуется с церковно-религиозных позиций. Владимир просветил Русскую землю святым крещением и заповедал всем русским князьям „ту же веру хранить и дръжати крепко и поборати по ней“. Но самая суть этого эпизода „Сказания“ заключена в последних словах обращения князя московского: „Аз же, братие, за веру хощу пострадати, даже и до смерти“. Этим великий князь московский показывался как продолжатель дела, начатого Владимиром киевским, как преемник киевских князей. Все русские князья — потомки киевских князей, но старший среди них — великий князь московский, и поэтому именно он напоминает русским князьям об их великом предке и имеет право сказать, что стоит на страже того дела, которое было начато Владимиром киевским.

Время после Едигеева нашествия характеризуется усилением призывов к единению между русскими князьями для борьбы с „погаными“. Идеальный пример единения между князьями, которому должны следовать все русские князья, — отношения между Дмитрием Ивановичем и его братом Владимиром Андреевичем серпуховским. В грамотах конца XIV — начала XV века вассальная зависимость одного князя от другого определяется термином „брат“ (старший или младший), хотя по родству эти князья не были братьями. Так, например, по договорной грамоте Василия Дмитриевича 1389 года с Владимиром Андреевичем серпуховским, великий князь московский считается по отношению к своему дяде братом старейшим, родной брат Василия Дмитриевича, Юрий, — равным братом, остальные родные братья — младшими братьями.

Разумеется, автор „Сказания“, называя Дмитрия Ивановича и Владимира Андреевича братьями, имеет в виду и их родственные отношения как двоюродных братьев, но основной смысл слова „брат“ и в „Сказании“ — терминологический: Владимир Андреевич брат великого князя московского и в феодальном понимании — он младший, подчиненный князю московскому „брат“. Дмитрий Донской, обращаясь ко всем русским князьям, называет их всегда братьями, и в этих случаях слово „брат“ выступает только как термин: все князья — „младшие братья“ великого князя московского, его вассалы.

Характерно, что во всем памятнике великий князь назван братом только один раз: Владимир Андреевич, обращаясь ко всем воинам после битвы с призывом найти на поле брани великого князя московского, говорит: „Братья и друзи, русские сынове, аще кто жива брата моего обрящет, тыи поистинне пръвый будеть у наю“. В момент, когда неизвестно — жив или нет великий князь, когда Владимир Андреевич может горевать о великом князе не только как о господине, но и как о своем брате, он называет его братом, во всех же остальных случаях

¹ Д. С. Лихачев. Культура Руси эпохи образования Русского национального государства (конец XIV — начало XV в.). Госполитиздат, 1946, стр. 19—20.